

Наталья Медведская

СИБЛИНГИ

Наталья Медведская

Сиблинги

<https://litres.ru/74071096>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как доверять людям, если тебя обогали и предали самые близкие? Как пережить неожиданную гибель родителей? Кате придётся выяснить это и не сломаться под грузом обстоятельств. Ей предстоят большие перемены в жизни и новые знакомства. Сможет ли замороженное сердце Кати отогреть дружба и первая любовь, похожая на робкий весенний росток? Получится ли простить предательство и понять, что родные по крови бывают чужими по духу, а настоящими сиблингами становятся те, кто готов встречать беды плечом к плечу, поддерживать и помогать во всём, а также радоваться твоим успехам и победам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Медведская

Сиблинги

Глава 1

Катя еле плелась по улице. Яркое южное солнце жаркими лучами усердно сушило влажную после дождя землю. Апрель выдался дождливым, но тёплым, поэтому радовал любителей покопаться в огородах. Всё посаженное росло, как на дрожжах безо всякого полива, только успевай рыхлить землю в редкие погожие деньки. Домой не хотелось идти до зубовного скрежета. А с тех пор как дом оккупировала семейка старшего брата отца, он стал чужим и даже враждебным. Это место жительства она больше не называла домом, давно перестала ощущать таковым. Тётка Тая сильно постаралась всё переделать под свой вкус. Катя теперь не узнавала ни уютного дворика с газонной травой и красивыми клумбами, ни просторных комнат, прежде не загромождённых мебелью, всё поменялось. Газон и клумбы исчезли, на их месте появились грядки с луком, картошкой и зеленью. Комнаты плотно заставились мебелью. Все горизонтальные поверхности покрылись вязаными салфеточками разных конфигураций. Красивый, бежевого цвета паркет из древесины дуба за-

стелился толстыми паласами жуткой расцветки. Хуже всего получилось с окнами, теперь на них висела куча тряпья в виде нескольких слоёв присборенного тюля с рюшами и тяжёлых ночных штор с ламбрекенами и большими дурацкими бантами. Катя догадывалась, переменами тётка старательно стирала память о её родителях. Девочка пожаловалась дяде, но он ни разу не пришёл на помощь и не встал на её защиту. Спокойный, неконфликтный, мягкий Сергей Степанович только и мог, что просил не спорить с тётей.

– Катюша, пойми, она создаёт уют, всё делает как лучше. Тебе надо принять перемены и не истерить по пустякам.

В этой новой семье Катя ощущала себя более одинокой, чем когда во время поездок родителей на самом деле оставалась в одиночестве.

Она вспомнила, как ужаснулась первым изменениям в родном подворье и доме. Вернувшись из школы, в ступоре остановилась посреди двора, вместо привычных кустов роз и клумб с нежной садовой незабудкой, её встретили ровные как по линейчку пока ещё чёрные грядки. Катя замерла, на долю секунды ей показалось, что она ошиблась и зашла в чужой двор. Но нет дом её. Просто радовавшая глаз цветочная красота исчезла, заменившись земляной чернотой. Катя сглотнула тугой ком в горле, глаза защипало. Мама так любила цветы, всегда любовалась неприхотливыми незабудками, называла их глазами неба, а теперь эти глаза вырвали с корнем. Катя сжала пальцы в кулаки, с ужасом ощутила, как со

дна души поднимаются злоба и ненависть к бесцеремонной родственнице. Но это было только начало. Каждый день тётя Таисия что-то меняла. Сначала Катя просила ничего не трогать, сохранить память о родителях, а когда поняла: уговоры бесполезны, начала кричать и скандалить. Она находилась в таком нервном напряжении, что срывалась по любому поводу. Общение с тётей превратилось в сплошные разборки и бесконечные ссоры, от которых Катя ощущала себя выгоревшей дотла. Совместное проживание походило на бесконечный тягостный кошмар. Тётка Таисия не обращала внимания на старания Кати остановить её, просто продолжила всё переделывать. Житейского опыта в перепалках и конфликтах у Таисии было больше, поэтому она жёстко обламывала бунтующую племянницу, не заботясь о её душевном состоянии. Любила она только свою родную семью, на других людей, пусть даже родственников, тёплых чувств не тратила и угрызений совести не чувствовала. Катю ощущала лишь как досадную помеху к неожиданно свалившейся возможности улучшить жилищные условия. Вместо однокомнатной квартиры оказаться в большом доме считала за счастье, и никто не мог помешать ей, наслаждаться этим, даже законная наследница.

Если бы не голод, от которого уже сосало под ложечкой, Катя бы ещё побродила по улицам Синереченска. Триста рублей, выданных «доброй» родственницей на месяц, она давно потратила на булочки в те дни, когда возвращалась с

занятий ещё позже. Таисия Марковна отлично изучила обязанности и права опекуна, поэтому отказывалась добавить к этой мизерной сумме хоть копейку. На упрёки Кати, что родным деткам карманных денег выделяется больше, тётя с ехидной улыбочкой ответила:

– Будь довольна тем, что дают. Хватит и того, что я вынуждена кормить и поить тебя, отрывая от собственных деток.

Катя усмехнулась.

– Отрываете? А ничего, что вы получаете за меня деньги? Как там это называется: возмездное опекунство.

Тётка огрызнулась.

– Разве это деньги? Так жалкие гроши. Подаяние сиротке от государства.

За год Катя привыкла к жестокому слову сиротка, поэтому только крепче сжала зубы. За месяцы сражений с Таисией Марковной она возненавидела эту женщину. Иногда Катя опасалась силы этого чувства, боялась, что однажды не сдержится и набросится на тётку с кулаками. Та уже грозила пожаловаться инспектору по делам несовершеннолетних, пугала её колонией.

Вздыхнув, Катя направилась в сторону дома. Подойдя к калитке, немного помедлив, открыла её. Глаз зацепился за кустик садовой незабудки, чудом сохранившейся у забора. Искореня ненужные и бесполезные, по мнению тётки, травы та упустила его. Присев у нежных цветов, Катя поглади-

ла кудрявые ажурные листики. Глаза наполнились слезами: прежде любимые мамины цветы целыми лужайками отвоёвывали себе место на газоне. Вытерев влажные щёки, Катя поднялась на крыльцо.

– Нормальные дети давно вернулись из школы, – сердито произнесла хмурая Таисия Марковна. – Где ты так долго шлялась? Снежа давно пришла. И только ваше величество изволило явиться спустя два часа после занятий. Если ты думаешь, что я твоя служанка и должна отдельно накрывать для тебя на стол, то ты сильно ошибаешься.

Катя неприязненным взглядом окинула тётку. Вот уж точно внешность обманчива. Таисия Марковна на первый взгляд выглядела мягким сердечным человеком. Невысокая, приятной полноты, с крутыми бёдрами, полной грудью и не слишком раздобревшей талией она походила на сдобную булочку. А если к этому добавить блондинистые волосы, обрамляющие круглое лицо с пухлыми щёками, белую кожу, светло-карие глаза, то получался славный образ. Но стоило взглянуться в эти неопределённого цвета глаза и всё доброе впечатление испарялось. В их глубине таились неприязнь и раздражение, а губы кривились в злой усмешке.

– Чего молчишь? Язык проглотила?

– Хорошая погода. Гуляла по городу, – буркнула Катя, проходя в комнату.

– Суп на печке. Разогреешь сама. Хлеб на столе, – бросила тётка вслед.

В комнате на кровати лежала двоюродная сестра Снежана, с ней теперь Катя делила личное пространство. Раньше у неё была другая комната на солнечной стороне. В мае в раскрытое окно вливался неповторимый аромат белой и тёмно-вишнёвой сирени, теперь же виднелся лишь серый соседский забор из профнастила. В один из дней, когда они находились в школе, тётка переселила девочек. Это случилось спустя месяц после переезда в дом родителей Кати, тогда она ещё не спорила с Таисией Марковной, приняла объяснения, что семилетний Коленька часто болеет и ему требуется более светлая, солнечная комната. Позже она о многом догадалась: о характере и поведении тёти. А тогда ещё надеялась, что неправильно поняла её слова в доме бабушки.

При появлении Кати Снежана бросила на неё короткий взгляд, и снова залипла в телефоне. Переодевшись в домашнюю одежду, повесив форму на плечики, Катя причесалась. В зеркале шкафа мелькнуло бледное лицо. Карие с ярким зелёным ободком глаза наполняли грусть, коричневые брови сложились домиком, прямо как у Пьеро. Пригладив густые русые волосы, она подмигнула себе, убирая с лица унылость.

– В пятницу весенний бал. Хочешь, дам тебе свою старую тушь. Подкрасишь ресницы, а то у тебя они белёсые, как у коровы, – неожиданно предложила Снежана.

Катя усмехнулась.

– Тебе виднее, я к коровам не приглядывалась. Что маменька новую купила?

– Ага, – кивнула Снежана и осеклась. Сообразив, что её добрый порыв теперь выглядел подачкой.

– Спасибо, но обойдусь. Тебе не кажется: в тринадцать лет рановато краситься?

– Да брось! Все девчонки уже подкрашивают глаза, а некоторые и губы. Жаль, помада у меня отстой, стирается через пять минут, а то бы и я наносила.

Катя промолчала, вспомнив, как смешно выглядят ровесницы с ещё неумело нанесённым макияжем. Мама говорила, что любое вмешательство во внешность должно быть таким, чтобы воспринималось естественно. Катя не раз наблюдала за тем, как она прихорашивается и видела, что мама лишь подчёркивает привлекательные черты и умалчивает недостатки. Покосившись на сестру, заметила густо накрашенные ресницы, огрубляющие лицо. У Снежаны, как и у матери, пухлые щёки, светлая кожа и жёлто-карие глаза, идеально подходящие под рыжеватый оттенок волос. Она вообще была её уменьшенной копией, только характер менее стержневой, видимо, ещё не успел испортиться.

Отправившись на кухню, Катя обнаружила на плите маленькую кастрюльку. Открыв крышку, посмотрела на вчерашний рисовый суп. Прежде чем насыпать в тарелку, попробовала его. От неприятного вкуса варева, явно перекипячённого, поморщилась. Кипячением не удалось скрыть, что суп прокис. Бросив ложку в раковину, подхватив кастрюльку, решительно направилась в туалет. Вылив суп в

унитаз, вымыла ложку и кастрюльку. Она давно заметила: тётка скармливает ей остатки еды, но прежде до прокисшей еды не доходило. В самом начале как они стали жить вместе, Катя, погруженная в собственные переживания, долго не замечала, что такая же еда, как всем, ей достаётся, лишь когда семья за столом в полном сборе. Если Катя ела одна, то блюда были либо переваренные, либо несвежие. Будучи ровесницами, двоюродные сёстры учились на разных параллелях, но Катя возвращалась из школы позже из-за дополнительных занятий по математике и физике. С пятого класса она участвовала в различных олимпиадах, поэтому учителя готовили её к соревнованиям. Катя не возражала против нагрузки, ей всегда нравились точные науки, а после гибели родителей это осталось единственным, неизменным в её жизни.

Однажды с трудом затолкав в себя полусухую пшённую кашу с единственной котлеткой, запив её чаем с каменными бубликами, зайдя в комнату, Катя застала Снежану, поедающую пирожное. Покраснев до макового цвета, та быстро проглотила последний кусочек, отставила тарелку в сторону.

– Что смотришь? Я купила его на карманные деньги.

Катя, три месяца не пробовшая сладостей, хмыкнула:

– И сколько же тебе дают карманных денег, раз ты каждый день его покупаешь?

– Сколько надо столько и дают, – сердито отрезала Снежанна, вытирая рот салфеткой. – Как будто тебе мало конфет к чаю. Вечно всем недовольна. Ты настоящий токсик. Мама

полдня стояла у плиты, чтобы приготовить обед.

Катя хмыкнула, вспомнив невкусную пшёнку.

– Да неужели?

– Да! Думаешь суп с фрикадельками, салат, гуляш с пюрешкой и какао можно за полчаса сделать.

Катя недоумённо уставилась на сестру. В последнее время ей казалось, что тётка разучилась готовить или больше не заморачивалась, стряпала кое-как. А тут Снежана вдруг говорит о вкусном обеде, которого она не видела. Решив подтвердить подозрения, уточнила:

– Неужели ты всё это съела? А как же твоя диета и мечты о похудении?

Снежана отмахнулась.

– Меньше поужинаю. Отказаться от супа и гуляша не смогла: такая вкуснятина у мамы получилась. Колька вон две порции второго умял, куда ему только влезло.

Снежана завидовала брату. Тот не страдая отсутствием аппетита, оставался тощим и худым как жердь. В свои семь лет он выглядел на шесть и до сих пор строил из себя малыша, утомляя всех капризами и нытьём.

После того дня у Кати словно глаза открылись. Тётя не только холодна к ней и часто недовольна ею, она ещё решила экономить, кормить тем, что не доели. Она бы и вечером племяннице отдавала остатки, но к её огорчению ужинали все вместе. Понаблюдав, Катя убедилась: её обделяют. Она понимала: отношения с тётей далеки от нормальных, больше

полугода войны не прошли даром, оставив после себя неприязнь и антипатию друг к другу. Но даже для Таисии Марковны низко так поступать. Говорить дяде, Катя не стала, давно сообразила насколько это бессмысленная затея. Он во всём полагался на жену, верил ей, полагая, что у племянницы плохой, скандальный характер. Сам не раз видел, как Катя до хрипоты спорила насчёт перемен в доме, как пыталась сорвать шторы, выкидывала кружевные салфетки, убирала коврики, уложенные поверх паласов возле кроватей. Сергей Степанович с видом великомученика убеждал племянницу уступать тётке, ведь та лучше понимает в красоте и уюте. Ему даже не приходило в голову, прислушаться к Кате, посочувствовать: она потеряла родителей, а теперь уничтожалась её прежняя жизнь. Он не хотел понимать, почему племянница так ведёт себя, ему проще просто отмахнуться.

Постояв в задумчивости на кухне, Катя погладила урчащий от голода живот.

«Так не пойдёт! С чего вдруг тётка решила, что я съем прокисший суп и не замечу? Не буду больше довольствоваться объедками! – разозлилась она. – Раз считают скандалисткой и нахалкой, то такой и стану».

Открыв холодильник, что, в общем-то, запрещалось ей, Катя оглядела полки. На верхней лежали булочки, завернутые в прозрачный пакет. На средней в контейнере хранились готовые голубцы, рядом стояла баночка сметаны и клубничный йогурт в бутылке. Она не стала рассматривать остальные

продукты. Отложив на тарелочку пару голубцов, разогрела их в микроволновке. Щедро положив поверх голубцов сметаны, уселась за стол.

«Как же вкусно. Интересно для кого предназначались голубцы? Во всяком случае, их ещё много осталось, – успокоила себя Катя, ощущая в собственном доме воришкой.

Она допивала чай с булочкой, когда хлопнула входная дверь. Катя едва сдержала порыв вскочить и спрятать грязную тарелку и половину булочки, заставила себя силой сидеть на месте.

Зайдя на кухню, Таисия Марковна принялась. Бросив взгляд на племянницу, покосилась на булочку в её руке.

– Я чёт не поняла? Ты что голубцы трогала? И откуда булочка?

Катя выпрямила спину. Злость в ней бродила кипучей энергией, как газы в бутылке минералки.

– Суп прокис, а я голодная.

Подлетев к холодильнику, тётка быстро оглядела его содержимое.

– Суп был нормальный. Ничего бы с тобой не случилось. Снежана и Коля его кушали, а ты из себя принцессу корчишь. Голубцы я приготовила Серёже на работу, теперь ему не хватит. Он один из всей семьи трудится и обеспечивает нас, а ты бесстыдница этого не ценишь.

Лицо Таисии Марковны пошло красными пятнами. Бросив злой взгляд на племянницу, закрипела зубами от бес-

силия.

Катя поймала себя на постыдной мысли, что наслаждается гневом и бешенством тётки, словно хоть немного удалось отомстить.

– Мам, ты чего кричишь? Что случилось? – поинтересовалась Снежана, появляясь на кухне.

Таисия Марковна криво улыбнулась.

– Да так. Немного поспорили.

– Я сказала тёте, что голубцы невкусные, а она обиделась, – невинным тоном произнесла Катя.

Снежана задохнулась от обиды за мать.

– Ты не права. И мне, и Коле голубцы понравились, мы аж по четыре штуки слопали, я даже йогурт не допила.

– И суп есть не стали? – ехидно протянула Катя.

– Так он прокис, – хмыкнула Снежана.

Поднявшись со стула, вымыв кружку и тарелку, Катя вытерла стол.

Таисия Марковна молча следила за ней.

– Спасибо за обед, – буркнула Катя. – И больше не утруждайтесь, оставляя мне еду на печке, сама возьму из холодильника. Не надо за мной ухаживать, я уже выросла.

Тётя снова скрипнула зубами.

Снежана с недоумением проводила сестру глазами.

Вернувшись в комнату, Катя надела наушники, включила любимую музыку «Вечер в лесу» в исполнении ансамбля «Звуки природы». Сев в кресло, закрыла глаза, погрузилась

в прекрасную мелодию и успокаивающие звучание льющейся воды в ручье. В последнее время именно эта музыка помогала ей немного расслабиться, хоть немного уменьшить тяжесть, камнем упавшей на грудь, с момента, как она узнала о гибели родителей.

В конце апреля в составе группы из шести человек они отправились к Эльбрусу. До этого Катя с родителями уже участвовала в восхождении на вершину с более безопасного южного склона, но тогда из-за неожиданно испортившейся погоды и сильного снегопада они остановились во втором базовом лагере и дальше не пошли. Потрясающие воспоминания о том походе слились с горечью и болью потери родных. Она помнила необыкновенную красоту величественных гор, чистый разреженный воздух и ледяной холод. В этот раз родители совершали покорение Эльбруса с северного склона. Катю оставили дома, ей ужасно не хотелось отправляться на неделю к бабушке, и она уверила их, что стала самостоятельной. Клятвенно заверила отца и маму: всухомятку питаться не будет, готовить макароны и супы давно научилась. К тому же она уже оставалась одна и вполне справлялась. Родителей убедили не её заверения, а то, что Катя и впрямь могла позаботиться о себе, да и за пропуск уроков по головке не погладят. От бабушки добираться до школы довольно далеко и неудобно. Нина Петровна жила на краю города, от неё до центра ехать на двух автобусах и одной маршрутке. Перед глазами Кати стояли весёлые, счастливые лица родите-

лей, когда они, прощаясь, давали ей последние наставления. Стоя на крыльце дома, она смотрела им вслед и долго махала, предвкушая, чем займётся в свободное время без их опеки. Высокий, внушительного вида отец с лёгкостью нес тяжёлый рюкзак. Он взял на себя большую часть груза, чтобы помочь хрупкой и женственной супруге. Глядя на родителей, Катя удивлялась, как такие внешне разные люди, идеально подходили духовно. Крупный, с мускулистой фигурой отец работал тренером по русбою в спортивном клубе, а изящная мама, похожая на балерину, преподавала танцы в студии «Ритм». От мамы Кате достались блестящие красивые волосы и хорошее сложение, от отца прямые коричневые брови, густые длинные ресницы и физическая выносливость. А их совместные гены подарили ей странные глаза, совместившие цвет глаз обоих родителей. Тёмно-карий зрачок обрамлял яркий голубовато-зелёный ободок.

Катя не знала, что увидев дочь впервые, Олег Степанович ахнул.

– Ева, ты заметила, что у Катюшки необычные глаза, серединка коричневая под твой цвет, а ободок под мой. Никогда такого не видел, но красиво. Скажи?

Ева Иосифовна хмыкнула:

– Я ещё в роддоме нагляделась. А твою родинку возле уха видел?

– А как же! Моя отметинка.

И Олег, и Ева, будучи увлечёнными людьми, прежде чем

пожениться, долго реализовывались. Ева до двадцати пяти лет принимала участие в соревнованиях по спортивным танцам и, только выйдя в отставку и начав работать в студии, согласилась выйти замуж за Олега. Он до двадцати восьми посвящал себя спорту. Решив остепениться, занял свободную вакансию тренера. Год молодые пожилы для себя, путешествуя по всей стране, отдавая дань довольно экстремальным увлечениям: сплавились по рекам, ходили в походы, прыгали с парашютом и покоряли горы. Катя появилась у молодых супругов на втором году семейной жизни. Едва девочке исполнилось два годика, стали брать с собой в походы. Так что Катя вполне бывалый турист, разделивший все увлечения родителей. Если поход оказывался слишком сложным, девочка отправлялась на побывку к матери Олега Нине Петровне. Катя не любила оставаться с бабушкой, у неё чувствовала себя как в клетке. И хотя Нине Петровне было всего пятьдесят пять лет, из-за платочка на голове, чёрной шерстяной юбки, кофточки с длинными рукавами и вязаной жилетки выглядела натуральной бабулей. К тому же она боялась всего: сквозняков, холодного ветра, сырой земли, грязного песка, слишком жаркого солнца. Кате не позволялось возиться в песочнице, строить запруды возле луж, кататься с высоких горок и залезать на деревья. Нина Петровна пахла лекарствами и сухими травами, ложилась спать после захода солнца, вставала на рассвете. Катя чувствовала себя узником и не чаяла, когда её заберут родители. Бабушка тоже этого

ждала, она уставала от суматошной, подвижной внучки, которую приходилось снимать с деревьев и отмывать от грязи. Пока Катя была в её крохотном на три комнатки домике, она успевала перевернуть его вверх дном. Втайне Нина Петровна радовалась тому, что внучку оставляют редко.

Переключив музыку в наушниках, Катя отвернулась к стене. Она надеялась, что хотя бы эту ночь проспит без кошмаров. Начались они после рассказа тётки Таи. Катя подумала: неприязнь к этой женщине зародилась в тот кошмарный вечер, когда в дом неожиданно приехали старший брат отца, его жена и бабушка. Услышав, как хлопнула калитка, Катя подхватила с дивана, на котором лежала, читая книжку. Глядя на серьёзные лица Сергея Степановича, Таисии Марковны и бабушки, она ощутила холод и жуткий страх, кончики пальцев покалывало, как будто их приморозило, кровь застыла в жилах. Разувшись, гости прошли на кухню.

– Катюша, присядь, пожалуйста, – дрогнувшим голосом сказал дядя Сергей, опускаясь на стул.

Тётя и бабушка тоже разместились за столом.

Сердце Кати тяжело билось в груди, ей не понравилось, как выглядит бабушка. Её залитые слезами глаза смотрели тоскливо и печально, узкие губы и подбородок мелко дрожали.

– Что случилось? – выдохнула перепуганная Катя.

Сергей Степанович вздохнул.

– Кое-что непоправимое. Еву, Олега и ещё троих альпинистов накрыло лавиной, в живых остался только Никита Вет-

ров. Он вернулся в базовый лагерь и рассказал о происшествии. Три дня продолжались поиски, но безрезультатно. В общем, Катюша, твои родители погибли в горах.

Катя покачала головой.

– Не может быть! Они найдутся. Папа сильный, он спасёт маму.

– Нам тоже хотелось бы в это верить, – пробормотала Таисия Марковна. – Но, увы, все факты говорят, что их погребло под тоннами снега.

Катя вздрогнула.

Бабушка тихо, горько заплакала. Вытирая платочком слёзы, бегущие по бледным щекам, сторбилась на стуле, словно у неё вдруг заболел живот.

Глаза Сергея Степановича тоже увлажнились.

– Надо подумать, что с тобой делать. Ты не можешь тут оставаться одна.

– Могу и останусь, – выкрикнула Катя. – Я буду ждать родителей. – Она стояла перед ними, стараясь держаться, расправив печи, но её гнуло от нехватки воздуха в лёгких, окаменевших от страха.

Таисия Марковна встала, подошла к ней, попыталась обнять за плечи.

Катя отступила, прижалась к стене лопатками. Рвано вдохнув воздух, закашлялась. С трудом выдавила из себя.

– Не трогайте меня. Вы ничего не знаете, я была с папой и мамой в горах, видела, какие они сильные... они могли вы-

жить.

Таисия Марковна повернулась к свекрови.

– Я говорила вам. Мало того, что они рисковали собой, так ещё и дочь за собой тягали. Вот он результат безответственного поведения. А мы теперь расхлёбывай!

Нина Петрова всхлипнула, слёзы тягучим потоком текли по впалым щекам, падали с подбородка на белую столешницу.

– Что же теперь делать?

Кате было невыносимо смотреть на бабушку и тётю с дядей: они мысленно уже похоронили её родителей. Выйдя в коридор, она обула кроссовки, с трудом выпрямилась, мышцы на груди и спине сковало, будто на шею повесили тяжкий груз.

– Ты куда? – выглянула из кухни тётка.

– Подышу свежим воздухом, – буркнула Катя.

Рванувшись за ней, дядя схватил её за руку.

– А ну стой!

– Отпустите. Никуда не уйду. Я во двор.

– Ладно. Приди в себя, потом поговорим. Всё равно придётся что-то решать.

Выйдя на крыльцо, Катя немного постояла на нём. Тёплый апрельский ветер шевелил волосы, пахло дикими пионами, цветущими возле забора, их аромат смешивался с запахом нарциссов. Она попыталась сглотнуть застрявший в горле ком и не могла. Ноги почему-то стали ватными. До-

бредя до садовой скамейки, стоящей под окном кухни, обесилена опустилась на неё. Над головой под стрехой скандалили воробьи, дрались за гнездо, их гвалт едва достигал сознания, ей показалось, что заложило уши, как при поднятии на большую высоту. Она не сразу расслышала в открытую форточку слова бабушки, а когда до неё дошло, о чём она говорит, замерла в шоке.

– Мне только шестьдесят шесть, но из-за болезни я чувствую себя немощной старухой. Не справлюсь я с ней. Катенька хоть и большая, но всё равно ещё ребёнок, за ней надобен пригляд. Уроки там проверить, подсказать что. А я едва себя обслужить могу. Да и от меня до её школы далеко... Что же делать? Но главное, вдруг со мной что случится, это опять опеку оформлять. Так что сынок придётся тебе стать опекуном Кати.

Катя насторожилась, сиюсь уловить смысл того, о чём говорят родственники.

– Да я понимаю, что лучше мне и Тае стать опекунами. Родители Евы в Израиле, вряд ли смогут помочь. Кстати, им надо сообщить, что дочь погибла, – сухим шелестящим голосом произнёс Сергей Степанович.

– Стоп! – услышался недовольный голос Таисии Марковны. – А вы меня спросили? Это что же получается? Все тяготы ухода за чужим ребёнком на меня повесить хотите? У меня и так двое детей, а вы ещё третьего на шею сажаете. Я понимаю, Серёжа, что это дочь твоего брата, но нам на сво-

их отпрысков едва хватает денег ... С твоими заработками живём от зарплаты до зарплаты. О чём только Олег и Ева думали, когда рисковали собой? А теперь нам расплачиваться за их ошибки. Неужели не понимали, что ходили по краю обрыва, что когда-нибудь да сорвутся. Это и получилось в результате. Куда нам в нашу однушку ещё одного ребёнка? Самим тесно.

– Тая, перестань! – с досадой воскликнул Сергей Степанович. – Не отдавать же племянницу в детдом, когда близкие родственники имеются. Что люди о нас скажут?

– А твой брат хоть раз задумался, что будет с его дочерью, если они сгинут? Вероятно, бессмертным себя считал. Думаешь, я забыла, как он зажил деньги нам на хорошую квартиру...

– Господь с тобой, Таечка. Благодаря Олегу и Еве вы купили жильё, в котором сейчас живёте, – возмутилась Нина Петровна.

– Да купили, но какую. В ней тесно как в картонной коробке из-под телевизора. Могли бы помочь нам с покупкой квартиры побольше. Деньги-то у Олега были. Он ведь за призовые не только этот дом приобрёл, но и путешествовал с женой и дочкой по всей стране. Тратили не жалея, пока родной брат с копейки на копейку перебивался.

– Насколько я знаю, на этот дом пошли средства за продажу жилья родителей Евы. Так что зря ты, Тая, обижаешься, – с укоризной пробормотала Нина Петровна. – Неужели

у тебя сердца нет? Отправишь Катеньку в детдом? Если так волнуешься за деньги, можно оформить возмездную опеку, при ней опекунам выплачивают вознаграждение. К тому через год, когда Еву и Олега признают отсутствующими, Кате назначат пенсию по потере кормильца.

Катя с ужасом слушала рассуждения бабушки. Её сын пропал совсем недавно, а она уже где-то успела проконсультроваться о деньгах. Зажав рот руками, чтобы не закричать в голос, тяжело задышала. Ярость и злость на бабушку, тётю и дядю забурлила в ней раскалённой лавой.

– Вот это другое дело, – заявила Таисия Марковна. – Я тут решила; не стоит Катю срывать с привычного места. Лучше мы переедем в этот дом, а в нашу квартиру пустим жильцов. Так всем выгоднее. Девочке лучше не оставаться одной. Снежана и Коля помогут ей пережить потерю родителей. Бедная ...

Катя прикусила палец зубами до крови. Родственники, не интересуясь мнением, решали её судьбу. Она думала, что хуже того, что услышала, уже не будет, но тётя добила.

– Знаете, что я вам скажу, – чуть плаксивым, будто она давилась слезами, произнесла Таисия Марковна. – И не считите меня меркантильной, но это хорошо, что Еву и Олега не нашли. Не нужно делать похороны и поминальный обед. Ни у вас, мама, ни у нас нет лишних денег, а погребение в наше время влетает в огромную копейку. Так даже лучше... закажем панихиду... и таким образом проводим их.

Послышался горестный плач бабушки.

– Сыночек мой. Ну как же ты так... почему был не осто-
рожен. А теперь твоя доченька сиротой осталась.

У Кати потемнело в глазах, в висках кровь стучала так
сильно, будто в голову били отбойными молотками.

Прежде когда их семьи встречались на торжествах и днях
рождения, она не обращала внимания на тётю. Ей не было
никакого дела до взрослого человека, Катя больше общалась
либо с бабушкой, либо с двоюродной сестрой Снежаной. И
сейчас откровения Таисии Марковны привели её в ужас. Она
не верила в то, что родители погибли, не мог сильный папа
и крепкая мама просто так сдаться. А тётя уже собиралась
проводить по ним панихиду.

Катя тогда ворвалась в дом, пылая от гнева.

– Как вы можете! Они найдутся! Их спасут!

Бабушка обняла внучку, прижала к себе.

Тело Кати мелко дрожало, она смотрела на свои трясущи-
еся пальцы и не понимала, что с ней происходит.

– Никита был с ними в группе, сам видел, как их накрыло
лавиной, выжить в таких условиях невозможно, – пробурча-
ла Таисия. – Думаешь, мы не переживаем и нам их не жалко?
Однако нужно смотреть правде в глаза и принять то, что на
этом свете твоих родителей больше нет.

Катя ничего не стала больше слушать, вырвалась из рук
бабушки, снова выскочила из дома на улицу. В след ей нес-
лись слова тётки.

– Оставьте её в покое. Пусть прогуляется и немного остынет.

Она гуляла долго, до поздней ночи, до гудения в ногах и полной пустоты в голове, а когда появилась дома, то обнаружила в гостиной Никиту Ветрова. Того самого единственного оставшегося в живых из шестёрки, совершавшей восхождение на Эльбрус. Никиту Катя хорошо знала, он был самым молодым из друзей родителей и всегда с удовольствием помогал, когда её тоже брали в поход. Невысокий, коренастый парень с носом, сломанным в драке, суровым взглядом серо-голубых глаз на самом деле был добрым и немного стеснительным. Драка, подпортившая его brutальную внешность, была вынужденной, Никита защитил девушку от пристававших к ней пьяных мужиков. С Катей Никита всегда общался на равных, как с взрослой, семь лет разницы в возрасте исчезали, когда он начинал неуклюже шутить. Увидев Ветрова в доме, Катя побледнела. Она ничего не хотела слушать. Сейчас он для неё вестник беды.

Никита поднялся навстречу. Заметив её обескровленное лицо, покачал головой.

– Это была плохая идея. Я лучше пойду.

– Нет! – остановила его выкриком Таисия. – Девочке лучше принять действительность. Поэтому ты должен подтвердить, что своими глазами видел смерть альпинистов.

Услышав страшное слово смерть, Катя вздрогнула.

Нина Петровна снова горестно заплакала.

– Он прав, это плохая идея пригласить Никиту. Тая, посмотри, Катюша едва держится на ногах. Пусть придёт в себя, не заставляй насильно осознавать.

Таисия вздёрнула подбородок, презрительным взглядом обвела семью.

– Лучше сразу принять удар, чем потом впихивать правду по кусочкам.

Приблизившись к Кате, Никита притянул её к груди, обнял узкие плечи.

– Прости, что не смог их сберечь. Прости, что выжил, – прошептал он в макушку.

Катя подняла на него измученные глаза.

– Может они как-то спаслись? В каменный карман попали?

Прикусив губу, он покачал головой. Потом с нежностью в голосе произнёс:

– Ты же знаешь, как они любили тебя и дальше будут любить. Душа-то не умирает. Их сердца навсегда останутся с тобой.

– Что вы мелете? – возмутилась Таисия. – Так вы помогаете девочке прийти в себя? Можете идти, без вас справимся.

Покосившись на сердитую Таисию, Никита поцеловал Катю в волосы.

– Если тебе понадобится какая-то помощь, или просто поговорить, ты знаешь, где меня найти.

– Даже не думайте! – грубо оборвала его Таисия. – Мы

не позволим несовершеннолетней девочке общаться с взрослым мужчиной. Если захотите с ней пообщаться, то только через нас. – Обернувшись к молчащему мужу и свекрови, поинтересовалась: – Почему держите язык за зубами? Считаете нормой такое обращение?

Нина Петровна пожала плечами.

Сергей Степанович хмыкнул.

– Почему нет. Он давно с ней знаком. Брат дочку в походы брал с самого раннего детства.

– Мне всё равно как считали её родители. Теперь мы будем опекунами Кати, а у нас свой взгляд на отношения полов. Девочке придётся привыкать к нашим правилам.

Никита усмехнулся.

– Катя для меня как младшая сестра – я никогда её не обижу.

– Охотно верю, но осторожность не помешает, – парировала Таисия, и, показав рукой на дверь, непреклонным тоном заявила: – Я вас провожу. Ваша поддержка никогда не потребуется.

Никита заглянул Кате в глаза.

– Держись, девочка, ты сильнее, чем думаешь. У таких родителей как твои, другая и не могла родиться. Помни, что я сказал.

Катя кивнула.

А ночью ей впервые приснился кошмар.

Она увидела маму и отца, лежащих под снегом. Им было

так холодно, так холодно, что она ощутила жуткий лёд, замораживающий кровь и сердце. Проснулась от того, что бабушка трясла её за плечо.

– Внученька, внученька, что с тобой? Ты плачешь и сто-
нешь. Приснилось что-то страшное?

Катя села в кровати, дотронулась до мокрого холодного лба. Её трясло от пережитого ужаса, от неизбывной боли за родителей.

– Да. – Но рассказывать и отвечать на расспросы бабушки не хотелось. Катя легла, отвернувшись к стене.

Нина Петровна какое-то время посидела рядом с ней, потом тихо ушла.

На панихиду, организованную тёткой на следующий день, Катя не поехала, отказалась на отрез. Бабушка попробовала уговорить, но внучка полоснула её таким яростным взглядом, что пожилая женщина осеклась.

Бабушка оставалась с Катей, пока оформлялись документы на опеку, а потом уехала к себе, семья же брата отца перебралась в её дом.

Ночные кошмары стали постоянными спутниками Кати. Таисия злилась на племянницу, регулярно будившую всех криками, поэтому отправившись в школу, потребовала, чтобы с девочкой поработал психолог. Находясь в состоянии нервного срыва, измученная бессонницей и переживаниями, Катя согласилась пообщаться с врачом. И это решение стало для неё спасением. Ей попался замечательный специалист.

Катя наконец-то смогла высказаться. Ольга Николаевна просто слушала, не убеждая верить в гибель родителей. Словно условившись с Никитой, совсем непрофессионально заговорила о бессмертии души и духовном родстве.

– Если ты не хочешь огорчить папу и маму, то должна исполнить свои мечты, реализоваться в жизни, дышать полной грудью. Им будет больно видеть тебя слабой, отчаявшейся и озлобленной. Они ведь жили ярко и красиво, поэтому ты не должна их подвести. Я слышала: ты стала хуже учиться, растеряла всех друзей, превратилась в одиночку. Так нельзя! Дала себе время на жалость? И хватит! Пора подниматься, исправлять оценки.

Катя усмехнулась.

– У меня было две подруги, но им надоело кислое выражение на моём лице. Одна из них так и сказала: «Ты нам весь вайб портишь. Мы тебе сочувствуем, но с тобой сейчас тяжело общаться». А это мне с ними тяжело. Они предлагают то в играх позависать, то по магазинам пройтись, то в кафешке компанией посидеть. И не объяснишь им, что нет ни настроения, ни желания. Они перестали меня слышать – лучше одной остаться.

Ольга Николаевна вздохнула.

– Может, и правда одной пока лучше. Иногда полезно побыть в тишине.

После консультаций у психолога кошмары не прошли, но значительно уменьшились. Почему-то особенно помог

странный совет Ольги Николаевны, тёплые вещи матери и отца лично вручить знакомым, а остальные отнести в отдел для помощи малоимущим. Она пояснила:

– Есть такой старинный обычай: если снится, что погибшему холодно, то тёплую вещь, принадлежащую ему, нужно отдать другому человеку. Таким образом, эманации тепла и добра передастся душе погибшего, и ему станет легче.

Катя тогда хмыкнула.

– Ваши советы, Ольга Николаевна антинаучны.

Однако сделала так, как подсказала психолог. Правда вещи отца тётка ей не отдала, они отлично подошли Сергею Степановичу. Кате удалось забрать лишь его куртку. Она вручила её старичку соседу, проводившему на рыбалке всё свободное время. А вот вещи матери достались Кате без боя. Таисия Марковна и хотела бы себе оставить, но на её пышные бёдра и большую грудь ничего не нашлось. Слишком разные фигуры у тётки и матери Кати. Удивительно, но после передачи вещей тяжёлые сны стали сниться реже. А однажды ей даже удалось побеседовать с родителями во сне. Они уверили, что не страдают и будут рады, если она продолжит жить, не изводя себя и не мучаясь. С грустной улыбкой мама прошептала, что они её любят и хотят видеть счастливой.

Катя поправила наушники. Воспоминания выжигали дыру в груди. Она смирилась, но глубоко в душе так и не приняла гибель родителей. Уверила себя: они уехали в длительное далёкое путешествие. Противостояние с тёткой нача-

лось с первого дня. Но все сопротивления и скандалы оказались бесполезными. Спустя время Таисия Марковна передела дом по своему вкусу, не слушая Катю и не обращая на её истерики внимания. Происшествие с супом оказалось последней каплей, если прежде она хоть немного слушалась тётю, то больше не собиралась этого делать. Катя понимала, что таким образом мстит Таисии Марковне, но ей надоело быть остаточным элементом в семье.

Она не заметила, как заснула. Наушники валялись на полу, в них давно смолкла музыка. Проснувшись, сев на кровати, покосилась на спящую Снежану. За окном едва серело. Подняв разрядившийся телефон, поставила его на зарядку. Эта ночь унесла часть душевной боли, будто темнота забрала с собой немного мук и переживаний. Она чувствовала себя отдохнувшей, готовой встретить новый день. Стараясь не шуметь, Катя отправилась в ванную комнату, приняла душ, вымыла голову, переделалась. Стрелки часов на кухне стояли на половине седьмого утра. Прежде в такую рань, да ещё в выходной день, она не поднималась. Год прожила в состоянии сомнамбулизма, а теперь, кажется, наконец-то очнулась. Открыв холодильник, достала варёную колбасу и яйца, принялась готовить себе завтрак. Она допивала чай, когда на кухню, зевая и почёсывая взлохмаченные обесцвеченные волосы, зашла Таисия Марковна. От неожиданности тётка взвизгнула.

– Чёрт! Напугала. А ты что уже позавтракала? – Покосив-

шпись на тарелку с жёлтыми разводами от яиц, буркнула: – Наглеешь? Не могла подождать всю семью?

– Мне не спалось, я проголодалась, – невозмутимо заявила Катя. – Не волнуйтесь, я посчитала яйца и разделила поровну: всем достанется по два.

– Ты смотри, какая шустрая. Тебе может и два хватит, а твоему дяде надо не меньше пяти. Больше не шарься по холодильнику! Ты туда ничего не клала и не тебе брать. Я хозяйка и только мне распределять продукты. У меня всё заранее намечено, что на завтрак, что на обед и ужин, а ты сбиваешь меня с толку. Делай как раньше, ешь молча, что дают.

– Если будете давать такую дрянь как вчера, то точно не стану есть.

Таисия тряхнула спутанной гривой, поставила руки в боки.

– Чего ты прицепилась к супу? Один раз я не доглядела, а ты и рада. До чего же ты неблагодарный ребёнок! Постоянно недовольна. С первого дня ко мне цепляешься и скандалишь. Нет чтобы спасибо сказать!

Катя допила чай, принялась мыть за собой тарелку и кружку. Вытерев стол, буркнула:

– За что мне вас благодарить. За то, что перевернули мой дом вверх дном и всё устроили по-своему желанию? За то, что выселили из моей комнаты? За то, что в обед кормили объедками?

– Какими объедками? Не выдумывай. А спасибо надо ска-

зять за то, что не отдали тебя в детдом. Терпим твой невыносимый характер и твои истерики.

– За это вам деньги платят.

Таисия Марковна побагровела.

– Деньги? Сущие копейки. Да ты мне столько нервов вымотала, что никакими деньгами не покроешь.

Катя не стала дальше слушать, отправилась в свою комнату. Она собиралась пару часов погулять по городу. После обеда придет бабушка, привезёт пироги и кучу никому не нужных новостей о своих соседях, но с нею появлялось ощущение почти нормальной семьи. Катя любила её приезды по выходным, только бы она опять не заболела.

В их провинциальном Синереченске на семьдесят тысяч жителей три школы, одна в центре, две в микрорайонах. Сам городок делился неширокой, но глубокой речкой Синею на две неравные части. Больше всего Катя любила гулять по набережной вдоль реки, наблюдая за рыбаками, плотно обступившими более пологий левый берег. Судя по азарту любителей рыбной ловли, их тихая охота была не такой уж тихой и спокойной. Прежде с родителями она тоже с удовольствием удила золотистых карпов, красноперок и голавлей. Сейчас лишь с грустью поглядывала на речку: желания взяться за удочку не было. Катя брела по аллее из белых ив, растущих по берегам реки, любовалась её бирюзовой гладью, поглядывала на пышные сахарные облака, и на неё медленно снисходило умиротворение. Не приняв потерю родных,

она потихоньку смирялась с их физическим отсутствием в её жизни. Она всё больше ощущала духовное присутствие мамы и папы, поэтому мысленно разговаривала с ними, советовалась, рассказывала о том, что с ней происходило. Для этого общения требовались одиночество и дальние прогулки. Домой Катя вернулась спокойной и расслабленной. Она предвкушала встречу с бабушкой и приятное чаепитие с вкусными пирогами. Переступив порог кухни, с удивлением обнаружила родственников, сидящих за столом с недовольными лицами.

– Наконец-то явилась, – сердито буркнула Таисия Марковна. – Где тебя носило столько времени? Почему мы должны ждать пока ты нагуляешься?

Катя подняла брови.

– А в чём собственно дело? Почему мне нельзя гулять по набережной? Я же сказала Снежане, куда отправилась. К тому же вернулась вовремя, ровно к обеду. – Покосившись на дядю Серёжу, обратила внимание, что он смотрит на неё недовольным, угрюмым взглядом. Бабушка с грустью, а двоюродная сестра и брат с каким-то злорадством. – Что произошло? Почему вы так уставились на меня?

– Как!?! – повысила голос Таисия Марковна. – Как на тебя смотреть, если ты никого не уважаешь. Почему ушла и не помогла прибраться в комнате Снежане? Я что тут служанка и уборщица?

Катя усмехнулась. И эта её усмешка настолько вывела тёт-

тю из себя, что она буквально заскрежетала зубами.

– Видите, мама, – обратилась Таисия к свекрови. – Она просто невыносима. Всё мне назло делает. За год проживания с ней я на нервах потеряла здоровье. У меня сердце стало прихватывать, головные боли не проходят.

Катя не хотела улыбаться, но губы невольно растянулись в усмешке при воспоминаниях о картинных выступлениях тётки, о её наигранных слезах, криках, демонстративном питье валокордина и лежании на диване с мокрым полотенцем на голове. И эта улыбка окончательно вывела Таисию из себя.

– Смотрите! Смотрите, она ещё и издевается! – взвизгнула Таисия. – У неё ни стыда, ни совести. Захотела погулять – пошла. И плевать, что по субботам в доме уборка и надо помогать. Для неё только личные хотелки важны. Вот какое чудовище воспитали родители. Никто для неё не авторитет.

Катя слушала и не понимала, за что взъелась на неё тётя?

– Я убрала свою половину комнаты. Посуду всегда за собой мою, своё белье сама стираю и глажу. Что ещё вам от меня надо? – удалось ей вставить слово, как только тётя на несколько секунд смолкла, набирая в лёгкие новую порцию воздуха.

– Убрала она половину... а сестре помочь? Снежана получается, одна должна наводить порядок у Коли?

Лицо Кати вспыхнуло.

– Ваш Коля не маленький, ему почти восемь. Сам спосо-

бен свои игрушки собрать.

Коля был нежно любимым сыном Таисии, она всячески оберегала его от любой маломальской нагрузки, считая мальчика хилым и болезненным. Хитрый Коля давно пользовался особым отношением матери к нему. Стоило кому-то поступить не так, как он желал, Коля тут же устраивал истерику с плачем и криками, у него даже могла подняться температура и заболеть живот. В итоге он получал всё, что хотел.

– Коля немаленький, но слабый. Ты как старшая сестра просто обязана ему помогать. Я же взвалила на себя заботу о тебе и не жалею.

Катя хмыкнула.

– А что сейчас делаете?

– Хватит пререкаться с тётёй, – стукнул по столу кулаком Сергей Степанович. – Тая, забудь о мелочах переходи к главному.

Катя оглядела собравшихся. Бабушка нахмурилась сильнее, но почему-то избегала смотреть на неё.

«Что происходит?» – промелькнуло в голове у Кати. От предчувствия чего-то особенно неприятного закололо в сердце.

– Не хочется, но разобраться надо, – громко заявила Таисия. – Вы знаете, мама, что самое обидное? Я ей ни в чём не отказывала. Относилась как к родной дочери, а она с нами так поступила. Правду говорят от домашнего вора никуда не скрыться.

Катя недоумённо покосилась на тётку, не понимая, к чему та клонит.

Бросив на неё гневный взгляд, Таисия ядовито заметила:

– Не строй из себя святую невинность. Сегодня я забыла кошелёк в кухне на подоконнике, из него пропало пять тысяч рублей. Если ты не успела потратить все деньги, верни сколько осталось. И больше не смей таскать деньги у родных людей. Даже уголовники не гадят там, где живут.

– Хотите сказать, что я взяла ваши деньги? – охрипшим от волнения голосом произнесла Катя.

– Я так и говорю. Ты взяла. Больше некому. Снежана и Коля никогда не трогали ни копейки. А если что-то требуется Серёже, он предупреждает. Только ты осталась.

– Я не прикасалась к вашим деньгам! – выкрикнула Катя. – Вы не имеете права оскорблять меня. Бабушка, – воззвала она к Нине Петровне, – я правда не дотрагивалась ни до этих денег, ни до каких либо вообще.

Катя вспомнила, что на подоконнике кухни часто лежала мелочь, иногда ей очень хотелось взять тридцать-сорок рублей, чтобы купить понравившуюся ручку или блокнот. Пару раз она чуть не решилась на это, но в последний момент остановилась. А однажды она заметила: тётя старательно пересчитывает мелочь и поняла, что случилось бы, стоило взять хоть копейку. И вот теперь её обвиняют в краже.

Нина Петровна подняла глаза на невестку. Было видно как неловко пожилой женщине.

– Таечка, может ты ошиблась? Положила куда и забыла.
Таисия вскинула голову.

– Я ещё пока в своём уме. Коля дал мне на расходы, я сунула купюру в кошелёк. После обеда мы собирались вместе сходить за продуктами в супермаркет. Катя крутилась на кухне, а потом ушла. Я полезла в кошелёк, а денежки-то тютю.

Катя сжала кулаки. Ей хотелось броситься на тётку и ударить её изо всех сил по лживому лицу. Испытывая это острое желание, она испугалась сама себя.

– Я...не ...трогала... ваши... деньги, – медленно, растягивая слова, сказала Катя. Кровь стучала в висках так, что из-за шума в ушах она едва слышала себя.

– Не хочешь признаваться? Смелости не хватает? Или совести? Ладно. Вряд ли ты их далеко спрятала. Сами поищем, – процедила зло Таисия, срывая рюкзак Кати с её плеча. Порывшись в нём, разочарованно бросив на пол, направилась к комнате девочек.

За ней потянулись муж, дочь и сын. Последней из-за стола встала бабушка. Обойдя Катю, стоящую столбом на кухне, Нина Петровна поплелась в спальню.

У Кати от несправедливости и обиды огнём жгло в груди, тряслись руки, пересохло в горле.

– Ну что я вам говорила, – послышался из спальни радостный голос Таисии Марковны.

Катя на негнущихся ногах приблизилась к открытой две-

ри в комнату. Рядом с её столом стояла тётя и, подняв руку с зажатой в пальцах купюрой красного цвета, неприятно скалилась.

– Не успела потратить! Спрятала под тетрадами в ящике. Как тебе не стыдно, Катя! – возмущалась она. Повернувшись к свекрови, Таисия вздохнула: – Вот не хотела поднимать этот вопрос. Думала, обойдётся. Она и раньше таскала у меня из кошелька по мелочи. Но сейчас совсем обнаглела. Я подозреваю, что пропавшая неделю назад золотая цепочка с кулоном тоже где-то у неё спрятана. А я думала, что потеряла. Что язык проглотила? Нечего сказать? Мне искать цепочку? Или сама отдашь?

Катя всматривалась в лица бабушки, дяди, двоюродной сестры и брата и ни в ком не видела сочувствия, в их глазах не отыскала ни тени сомнения в её вине. Они полностью поверили Таисии. От несправедливого обвинения она ощутила такую ярость, что потемнело в глазах.

– Вы всё это подстроили! Я никогда и ничего у вас не кра-ла! Это вам, тётя, должно быть совестно зато, что вы сейчас делаете!

Таисия ткнула в себя пальцем.

– Мне должно быть совестно? Мне? А не тебе? Ладно. – Бросившись к полкам Кати в шкафу, она сбросила её бельё на пол. Потом перевернула матрац на кровати. Перерыла тумбочку с книгами и тетрадами. – Остановившись, потная, взмокшая и красная оглядела половину комнаты Кати.

Глянув на второй рюкзак, стоящий на стуле у кровати, с которым Катя ходила в школу, подскочила к нему, вытряхнула содержимое на стол. Осмотрев книги и тетради, полезла по кармашкам рюкзака. Торжествуя вскрикнув, вытащила из бокового кармана золотую цепочку. – Вам ещё нужны доказательства? – потрясла она цепочкой. – Что теперь скажешь? Ты, Катя, прямо как Сонька золотая ручка. Карьера воровки тебе обеспечена.

Катя видела: бабушка побледнела и стыдливо отводит от неё взгляд. Глаза у дяди Сергея стали круглыми и большими от удивления. Снежана криво ухмылялась, посматривая на неё. Катя поняла: ей никто не поверит, как бы она не оправдывалась.

– Вы же всё подстроили, – еле выдавила она из себя. – Зачем вы это сделали? – Глаза горели от невыплаканных слёз, горло сжало от обиды.

– Она ещё и не раскаивается, – возмутилась Таисия. – Пойдёмте. Нам всем нужно серьёзно поговорить. Жить с воровкой в одном доме я больше не желаю. – Задрвав подбородок, громко топая небольшими каблучками домашних тапочек, пошагала из спальни.

Бабушка сгорбившись, будто за полчаса постарела лет на десять, отправилась следом за невесткой. Покачав головой, Сергей Степанович обжёг Катю невидящим взглядом. Пожав плечами, взяв брата за руку, Снежана вывела его из комнаты. Оставшись одна, Катя поняла: её сейчас разорвёт от накала

чувств. Она громко, как раненый зверь, заорала.

– А-а-а-а!

– Сдурела?! – ворвался в спальню дядя. – Соседей переполошишь. Ещё подумают, что тебя тут убивают. – Больно схватив её за предплечье, потащил за собой.

На кухне за столом все расположились в прежнем порядке.

Подвинув табурет, дядя насильно усадил Катю на него.

– Тебе полезно послушать. Твоя судьба решается.

Катя дрожала от негодования, обиды и злости, хотелось кричать, бросать вещи, вцепиться в ненавистное лицо тётки ногтями. Сердце билось так, словно собиралось прорвать грудную клетку. Никогда в жизни её никто так не обижал. Вместе с чувствами, кипящими вулканом, она ощутила безбрежное, жуткое одиночество. Здесь среди родных по крови людей почувствовала себя покинутой и затерянной в этом огромном мире. Бабушка и семья дяди с ней не на одной стороне, вмиг они превратились в чужих, враждебно настроенных незнакомцев. Катя до крови прикусила губу, боясь расплакаться перед тёткой, которую сейчас презирала каждой клеточкой тела. Они все её предали, поверив словам Таисии Марковны.

– Мама, теперь вы понимаете, что дальнейшее проживание нашей семьи на одной территории с Катей просто невозможно. Я терпела её выходки целой год, но больше не намерена тратить силы и здоровье на ребёнка, непонимающе-

го, где добро, а где зло. Моя семья для меня важнее всего. Поэтому опасаясь тлетворного влияния Кати на моих детей, отказываюсь от её дальнейшего воспитания. Наверно, я не справилась, но хотя бы попыталась. Была к ней добра и справедлива, а она отплатила мне чёрной неблагодарностью. – Таисия говорила спокойно, так, словно произносила заранее заготовленный текст. – Серёжа, принеси из спальни документы.

Покосившись на мать, Сергей Степанович поднялся с табурета. Сходив в комнату, вернулся с листком бумаги.

– Сергей написал заявление на отказ от опекуинства.

Нина Петровна ахнула. Прижав ладонь ко рту, покачала головой.

– Как же так! А вы не торопитесь? Серёжа, неужели ты отдашь дочь твоего брата в детдом?

Лицо Таисии пошло красными пятнами.

– Что вы от нас хотите? Чтобы мои дети остались сиротами? Она уже довела меня до нервного срыва и сердечных приступов. Мы не виноваты, что её родители нормально не воспитали своего ребёнка.

Катя усмехнулась.

– Они меня правильно воспитывали. Но откуда им было знать, что тётя подставит и оклеветает меня.

– Вот! – вскочила Таисия. – Об этом я и говорю. Она не признаётся! Упорствует! Что с такой делать? С ней опасно рядом находиться!

– А не слишком ли ты преувеличиваешь? – негромко про-
бормотала Нина Петровна, стараясь не смотреть на невест-
ку. – Тебя послушать, так Катя прямо уголовница. Ты вот и
с заявлением уже подсуежилась...

– На что вы намекаете? – вспыхнула Таисия. – Серёжа, ты
чего воды в рот набрал. Расскажи, сколько ссор случилось
за этот год из-за твоей племянницы. Мы прежде никогда не
ругались, а проживая с ней, – ткнула она пальцем в сторону
Кати, – ни дня без стычек и нервотрёпки не обходилось. Вы
как хотите, я так больше не могу. Не железная знаете ли.

Отводя глаза от Кати и матери, Сергей Степанович про-
бурчал:

– Мне домой идти не хотелось. Каждый день попадал в
Армагеддон. Катя постоянно чем-то недовольна, всё не так
и не по ней. Она немного скандальная девочка – привнесла
в нашу семью раздор.

– И это ещё мягко сказано, – фыркнула Таисия.

Катя пристально смотрела на дядю, видела ему неловко и
неудобно перед ней, и это его слабование и бесхарактерность
показались даже более омерзительными, чем открытая нена-
висть тётки. Та хотя бы честна в своей нелюбви к ней, а дядя
прикрывался видимостью правды.

Бабушка тяжело поднялась.

– Я вас поняла. Катя, если бы могла, навсегда забрала бы
тебя, но с моим здоровьем как бы тебе самой не пришлось за
мною присматривать. Собирайся, едем ко мне, раз уж ты не

пришласть тут ко двору. Потом решим, как поступить дальше.

Катя хоть и была зла на бабушку, почувствовала облегчение от того, что больше не увидит семейку дяди. Она хотела как можно быстрее покинуть дом, ставший чужим. Её ничто здесь не держало.

Таисия подхватила.

– Принесу чемоданы и сумки. А завтра отнесём заявление в отдел опеки и попечительства. Пока всё решится, Катя лучше пожить с вами. – Не удержавшись от подколки, добавила: – Надеюсь, бабушку свою обворовывать не станешь. Удержишься. Её пенсии только на лекарства и хватает.

– Бессовестная с-с-сука! – с выражением, глядя в глаза тётке, чётко произнесла Катя.

– Ах, ты ж, гадина! – крикнула Таисия и замахнулась на неё.

Катя быстро отклонилась, ладонь тётки просвистела в нескольких миллиметрах от лица.

– Теперь поняли, что она из себя представляет! Да по ней не детдом, а тюрьма плачет! – с мрачным видом заявила Таисия.

– Чем жить с вами, лучше я в детдоме буду, – буркнула Катя.

– Ну-ну попробуй. Ещё вспомнишь нас. Будешь плакать и умолять забрать назад, но не надейся, твои крокодильи слёзы не сработают, – пригрозила тётя.

– Хватит! – держась за грудь, попросила Нина Петровна.
– Обещала чемоданы? Неси. Пойдём собираться, внучка.

Зайдя в разгромленную спальню, Катя огляделась. В шкафу остались висеть лишь её теплые вещи, всё остальное валялось на полу.

Таисия прикатила два чемодана на колёсиках.

Катя их сразу узнала. С ними её родители ездили отдыхать на море. Есть ещё третий маленький розовый чемоданчик, его они приобрели специально для неё. В глазах запекло, в носу защипало. Катя опустила голову, скрывая слёзы.

– Я помогу уложить вещи. – Таисия подняла свитер Кати с пола.

Нина Петровна вырвала свитер из её руки.

– Ты уже своё дело сделала. Мы сами справимся.

Ноздри Таисии раздулись от негодования.

– Я не поняла, вы меня сейчас в чём-то упрекаете?

– Ни в чём, – тихо произнесла Нина Петровна. – Будет лучше, если ты оставишь Катю в покое. Сама сказала: надо-ели ссоры.

– Как знаете, – пожала плечами Таисия.

Едва она закрыла дверь, в спальню вошла Снежана. Усевшись на кровати, стала с любопытством следить за упаковкой вещей.

Бабушка и Катя принялись собирать чемоданы. Зимняя одежда и обувь поместилась в один чемодан. Остальная заняла второй. Учебники, книги, тетради, безделушки и

школьная форма вошли в большую спортивную сумку. Повесив рюкзак на плечо, Катя оглядела опустевшую половину комнаты.

– Поздравляю, теперь комната полностью твоя, – усмехнулась Катя.

Глаза Снежаны сверкнули от радости.

– Точно! А я не подумала. Ой, извини. Я не хотела...

В спальню заглянул Сергей Степанович.

– Мам, там такси приехало. Я поеду с вами. Помогу доставить чемоданы. Тебе ведь нельзя поднимать тяжёлое.

Нина Петровна молча показала глазами на чемоданы.

Сергей покатил их на выход из комнаты.

Катя и бабушка взялись за ручки спортивной сумки.

– С богом, – пробормотала Нина Петровна, толкнув дверь.

Когда они появились на крыльце, Сергей Степанович уже уложил в багажник такси чемоданы. Подойдя к ним, забрал сумку.

Катя оглянулась на дом, прощаясь с ним. На тётку, двоюродных сестру и брата, стоящих на пороге, она не смотрела, они для неё стали никем, посторонними людьми.

Глава 2

Катя не боялась новой школы и новых одноклассников. Это прежде она бы с опасением появилась в классе, ощущала бы себя неловко среди незнакомых людей. Но после того что с не произошло за последние четыре месяца, любые страхи атрофировались в ней, выковали новую, спокойную, холодную и несколько разочарованную в людях девочку. Покосившись на соседок по комнате её ровесниц: черноглазую и чернооую Алию Мурадову и красивую блондинку Римму Стадник, Катя поправила воротничок белой блузки.

– Девочки, вы готовы? – заглянула к ним в комнату София Игоревна, работающая мамой-воспитательницей в детском доме с квартирным типом проживания. Выглядела она немного наряднее, чем обычно, хотя снова скрывала неплохую фигуру за тёмно-синим мешковатым платьем прямого кроя. Вместо прежней гульки голову украшала гладкая причёска ракушка. – Скаженюки уже заждались во дворе, а вы всё марафет наводите.

Катя выглянула в окно. На детской площадке, на скамейке, чинно сидела тройца Роза, Кира и Данил. Их рыжие макушки буквально горели под лучами солнца. Когда Катя впервые их увидела, то оторопела. Прежде ни у кого она не встречала настолько яркого цвета волос, прямо-таки ог-

ненно-красного. Их симпатичные лица украшали коричневые веснушки и круглые, как у кошек жёлто-зелёные глаза. Невозможно было без улыбки смотреть на этих Рыжиков, и Катя впервые за много дней улыбнулась.

В коридоре уже обувалась серьёзная Варя Потапова. Выпрямившись, она перебросила толстую русую косу на спину. Посмотрев на девочек, постучала пухлым пальцем по циферблату круглых мужских часов, странно смотрящихся на запястье. Катя уже знала, механические часы память об отце Вари, пожарном, погибшем во время тушения частного дома. Где её мать и другие родственники она не спрашивала, про необычные часы поведала Алия, увидев её недоумение.

– Если не поторопимся, опоздаем на торжественную линейку. Нам-то что мы уже семь линеек пережили, а вот для Данилки всё внове, он очень волнуется.

Семилетний Данила Скаженюк шёл в первый класс и с нетерпением ожидал этого. Он проснулся в шесть утра и каждые пять минут заглядывал в комнату к старшим сестрам Кире и Розе, уговаривая их вставать и собираться в школу.

Выйдя на лестничную площадку, четверка девочек столкнулась с членом другой «семьи» детского дома Александром Снегирём. Бросив небрежное: привет, он помчался по ступенькам в низ.

Десять лет назад жильцов обычного пятиэтажного дома расселили, предоставив им другие квартиры, а сам дом поставили на капитальный ремонт. Пока выделялись сред-

ства, и решали, как обновлять фасад, в администрацию города пришло распоряжение перестроить дом в детское учреждение с квартирным типом проживания. По всей стране расформировывались прежние большие сиротские приюты, преобразовывались либо в дома семейного типа, либо просто в малокомплектные. Появились даже три деревни, в которых проживали обездоленные дети с «родителями». К моменту попадания Кати в этот дом, в таком виде он существовал уже семь лет.

Спустившись по ступенькам во двор, на спортивной площадке обнаружили все тридцать школьников детского дома «Рассвет» в сопровождении своих мам-воспитательниц. Помощницы «мам» либо остались дома с заболевшими малышами, либо повели здоровых ребятишек в детские сады. В «Рассвете» проживали пять «семей» с разновозрастными детьми. Так сделали специально, чтобы старшие учились ухаживать за младшими, а малыши ощущали себя защищёнными. У каждой семьи было своё название, выбранное самими детьми. Катя попала в «семью» под необычным названием «Крапива». В пятикомнатной квартире проживали семь девочек и три мальчика, а также воспитательница и её помощница. Другие «семьи» не могли похвастаться оригинальными названиями, носили более привычные: «Полёт», «Орион», «Лира» и «Мечта». Из пятидесяти обитателей детского дома, двадцать ходили в детский сад.

От детского дома до школы всего два квартала, поэтому

ученики старшего возраста предпочитали ходить пешком, младших возили на автобусе, но на первое сентября и другие торжественные мероприятия на учёбу отправлялись все вместе. Зайдя в автобус, Катя села к окну. За прошедший месяц она почти смирилась с шумом и гамом вокруг, но когда её сильно это раздражало, она нацепляла беспроводные наушники, включала успокаивающую мелодию и отрешалась от всех. На карте памяти, подключённой к слоту, большинство мелодий предназначались для релаксации, и её это устраивало.

Поглядывая на дома, проплывающие за окном автобуса, на деревья и автомобили, вдруг вспомнила застывшее лицо бабушки. Сейчас оно реже стало проявляться на сетчатке глаз, а в первую неделю после похорон видела его каждую ночь, иногда оно возникало даже днём, стоило чуть отвлечься. Катя опустила ресницы, но стало только хуже, бледное лица бабушки с закрытыми глазами замаячило совсем близко. Поёжившись, она добавила звук, в наушниках громче зазвучали скрипки, запели птицы, отгоняя морок.

Когда четыре месяца назад её оболганную и злую выкинули из родного дома с вещами, бабушка поселила её у себя в маленькой спальне. Катя сидела в комнате, глядела на сумку, чемоданы и сгорала от ненависти, ядом залившей всё её существо. Со двора в открытое окно отдельными словами доносился разговор бабушки с сыном. Она не вслушивалась, ей было неинтересно, о чём они говорят. Сейчас они для неё

все предатели.

Спустя время скрипнула дверь, бабушка, шаркающей походкой, зашла в спальню.

– Нужно разобрать вещи. До того как тебя определяют в детский дом пройдёт время. Пока поживёшь здесь, – слабым голосом произнесла Нина Петровна.

Катя хмыкнула. Глаза её недобро сверкнули.

– Что сразу не получается отправить меня к сиротам?

Бабушка поправила платок на голове, устало провела ладонями по лицу.

– Не обижайся на меня внучка. Я знаю, ты не брала ни тех денег, ни цепочку...

Катя обиженно засопела. Глаза налились слезами.

– А что же вы тогда меня не защитили? Ни слова не сказали тётке Тае. Слушали, как она обзывает меня воровкой, как оскорбляет и молчали.

– Не всё так просто. Ты ещё молодая и многого не понимаешь.

– Но я не дура! Знаю: нельзя просто так оклеветать человека. Так нечестно! Тётка выставила меня монстром, и осталась довольна тем, что ей никто не возразил. Я вас всех ненавижу!

Нина Петровна хотела обнять расстроенную внучку, но побоялась, что та не примет её сочувствия.

– Знаю, как тебе сейчас больно и обидно. В первую минуту, слушая уверенные обвинения Таисии, я чуть не попалась

на её удочку. Прости, но на какую-то минуту поверила, что ты могла взять деньги. Извини за эти сомнения. Но потом, глядя на тебя, в твои глаза, поняла: моя внучка не стала бы так поступать. Даже если бы тебе не хватало денег, ты бы их не взяла, а уж тем более не стала трогать цепочку. Тебя хорошо воспитали родители, ты росла в любви и понимании, не знала чувства зависти. А вот Таисия как раз таки всегда завидовала успехам твоих родителей. Это я хорошо знала. Именно она заставила Сергея обратиться к брату за помощью. Она не захотела жить со мной, её свекровью, в этом маленьком доме, мечтала о собственном жилье. Считала, что более успешный брат обязан помочь менее успешному. А получив деньги только на однокомнатную квартиру, ещё и обиделась. Мол, могли бы дать больше. Сергей слишком простодушный, не скрывая, поведал мне о недовольстве жены. Я попыталась объяснить сыну, что он не прав, и брат не обязан всегда приходить ему на выручку, они с Таей должны и сами постараться. Только Сергей, наученный женой, твердил своё. – Нина Петровна тяжело вздохнула. – Ты ещё подросток и не понимаешь взрослой жизни. Я сейчас не авторитет для сына. Как там, в народе говорят: ночная кукушка дневную всегда перекукует. Серёжа очень любит жену, во всём ей доверяет, слушается. Как будто не он опытнее её на десять лет, а Тая старше и умнее его. Она просто хитрая, а у него словно шторы на глазах. Для него слова жены – истина в последней инстанции. По поведению Таисии, по её лицу, по интонации, я

сообразила: обвинения подстроены. Но не сразу догадалась, какую цель она преследует. Ей хотелось, пусть даже на время избавиться от тебя, чтобы дом полностью принадлежал им. По её мнению она и так долго терпела твоё присутствие рядом с собой. Приезжая меня проведать, только и делала, что жаловалась на тебя. Подспудно я уже ожидала от неё подвоха. Вероятно, она постепенно настраивала Сергея. Зная, что просто так он не согласится отказаться от тебя, обвинила в воровстве. Только слишком поторопилась. Разве можно заранее знать о краже? А она даже заявление подготовила. Все её обвинения шиты белыми нитками, однако мой сынок ей поверил. В тот момент я не видела смысла возражать. Только рассорилась бы с сыном и невесткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.